

Учинить выдачу — выдать

Некоторые полузнаменательные глаголы делового языка XVIII века

(на материале памятников забайкальской деловой письменности)

© Е. Э. БАЗАРОВ

В статье исследуются распространенные в языке деловых документов XVIII века аналитические конструкции, состоящие из полузнаменательного глагола и абстрактного существительного. В качестве иллюстративного материала по большей части привлекаются тексты документов забайкальской деловой письменности XVIII века, контексты из московских сказок 1704 года, а также для сравнения приводятся примеры из документов, датируемых концом XVII века.

Ключевые слова: деловой язык XVIII века, глагольно-именная конструкция, полузнаменательный глагол, забайкальская деловая письменность.

DOI: 10.31857/S013161170001269-4

The article deals with analytical constructions, distributed in the language of business documents of the 18th century, consisting of a delexical verb and an abstract noun. As an illustrative material, for the most part, texts of documents of the Transbaikalian business writing of the 18th century, contexts from the Moscow tales of 1704, as well as for comparison, are examples of documents dating from the end of the 17th century.

Keywords: business language of the 18th century, verbal-nominal construction, delexical verb, Transbaikalian business writing.

В допетровской России существовало два письменных языка (точнее два разных стиля одного языка), противопоставленных по своим культурным функциям. С одной стороны, был церковнославянский язык, который представлял собой разновидность древнерусского книжно-письменного языка и получал грамматическую обработку в литературных текстах книжников XVI–XVII веков. С другой стороны, приказный язык, который использовался в делопроизводственной практике, был исконно более близок к обиходной речи, содержал небольшое количество элементов книжного языка и имел в основе, по мнению некоторых ученых, московский говор XVI–XVII веков [1].

Как известно, формирование русского литературного языка нового типа началось в XVIII веке. Вектор развития русской культуры в это время был направлен на секуляризацию, то был век «обмирщения человеческой мысли и деятельности» [2]. В процессе секуляризации в сферу культуры стала вовлекаться и административно-законодательная деятельность. Это неминуемо приводило к разрушению ранее образовавшейся обособленности книжного и некнижного письменных узусов, к их взаимовлиянию; в отношении языковой ситуации можно говорить о проявлении секуляризации в «экстраполяции литературного языка нового типа на те сферы, которые первоначально были вне пределов его функционирования» [3].

В таких условиях деловой язык занимал особое место, ведь в нем происходила «постепенная эволюция, обусловленная взаимодействием приказной традиции с книжно-литературными элементами, используемыми в качестве стилиобразующих средств» [4. С. 5]. Активное влияние на деловую письменность книжных норм привело к тому, что в XVIII веке традиционный приказный язык был вытеснен деловым языком нового типа. Его отличительной чертой стало то, что в рамках одного текста в разном соотношении употреблялись разнородные языковые элементы, использование которых отражало процесс поиска новых речевых норм.

Именно в XVIII веке язык деловых документов стал интенсивно обогащаться глагольно-именными конструкциями типа *учинить решение*. В их лексико-грамматическую структуру входил полузнаменательный глагол, который утрачивал лексическую и функциональную самостоятельность в результате языкового процесса – грамматикализации, в связи с чем он был способен выражать лишь категориальное значение совершения действия. Вторым элементом конструкции являлось отглагольное существительное, содержащее семантическую информацию. Такие словосочетания используются в русском языке и сегодня (*произвести оплату, оказывать помощь*) и обычно преобразуются в соответствующие однословные глаголы (*оплатить, помогать*).

При этом данные конструкции не являются новообразованиями XVIII века (схожие в структурном отношении идиомы использовались еще в древнерусском языке, например: *държати княжение, водити суд* и

др.), однако именно в интересующий нас период отмечается тенденция к активному использованию таких словосочетаний и их постепенное увеличение в текстах деловых документов.

В письменных памятниках делового языка рубежа XVII–XVIII веков (1681–1702) содержатся примеры употребления подобного рода конструкций, которые при этом не отличаются тематическим разнообразием, например, *чинить опыт* [Все иллюстративные примеры здесь и далее приводятся в упрощенной орфографической записи. — *Е. Б.*]: «у приему тово вина *чинить опытъ* по статьям» (1702) [5. Ф. 214. Оп. 5. Д. 597. Л. 2 об. Курсив здесь и далее наш. — *Е. Б.*]; «на извьсть годной камень обыскали і *опыт* извести *учинили*» [Там же. Л. 10] и т.д. Очевидно, конструкция коррелирует с глаголом *опытати* — «испытать (испытывать), проверить (проверить) на опыте, опробовать» [6].

Вероятнее всего, подобные конструкции пришли в деловой язык XVII века из книжного регистра, поскольку они сохраняют налет книжности, и специфическими средствами собственно делового языка назвать их сложно.

О немногочисленности и непродуктивности сочетаний подобной структуры говорит тот факт, что в ходе исследования нами регулярно рассматривались дела различного объема, в которых поиски контекстов с такими словосочетаниями давали отрицательный результат, то есть сочетания с такой структурой в документах вообще не были зафиксированы. При этом список выявленных полузнаменательных глаголов включает всего четыре слова — *чинить*, *учинить*, *творить* и *сотворить*. Также важно отметить: последние два глагола в исследованных нами текстах XVIII века уже не встречаются. Немногочисленны и неразнообразны в семантическом плане существительные, сочетающиеся с *чинить* и *учинить*: *хитрость*, *поруха*, *грех*, *обида*, *разорение*, *теснота*, *утеснение*, *драка*, *наказание* и др., а также слова с приставкой *недо-*: *недомер* и *недобор*. Как правило, это слова с отрицательной оценочной семантикой или неблагоприятными коннотациями (как и в приведенных выше контекстах), которые продолжают употребляться на протяжении всего XVIII века и требуют отдельного глубокого изучения.

С начала XVIII века в деловом языке отмечается одновременное функционирование конструкций с полузнаменательными глаголами и их однословных соответствий, которое с долей условности можно назвать своеобразным противоборством. Проиллюстрируем эту тенденцию на примере текстов московских сказок 1704 года, в финальной части которых в ряде случаев традиционно используется знаменательный глагол *казнить*: «А буде он, Иван, в сей скаске что сказал ложно, и за ложную ево скаску указал бы в.г. [великий государь. — *Е. Б.*] *казнить* ево *смертью*» [7. С. 106]; «А буде я сказала что ложно, и за ложную б мою скаску в.г. *смертью* *казнить*» [С. 82].

В некоторых сказках в этой части используется соответствующая аналитическая конструкция: «А будет я, Никита, в своей скаске сказал что ложно, а после про то кем сышетца будет допряма, и в.г. указал бы за то *учинить* ему смертную казнь без всякого милосердия» [С. 43]; «А буде они, Иван и Лука, в сей скаске что сказали ложно, и за ложную их скаску указал бы в.г. по своему в.г. указу *учинить казнь*» [С. 131].

В этой же части документа вместо конструкции *учинить казнь* часто используется сочетание *учинить наказание*: «А будет я, Козьма, в сей скаске сказал ложно или что утаил, и за ложную мою скаску указал бы в.г. *учинить* мне *наказанье*» [С. 36]; «А буде он, Василей Шилов, в сей скаске сказал ложно, чтоб в.г. указал за ложную скаску *учинить* ему жестокое *наказанье*, бес пощады» [С. 66]. Можно заметить, что контекстов с использованием конструкций в два раза больше числа фрагментов с глаголом.

В XVIII века сочетаемостные возможности глаголов *чинить* / *учинить* расширяются за счет увеличения числа отглагольных существительных, разноплановых в семантическом отношении. При этом сохраняется тенденция к параллельному использованию «противоборствующих» элементов в рамках одного документа или дела:

– *чинить просрочки* / *просрочить*: «от ябезделных ябедниковъ челобитчиковъ или ответчиковъ *чинилис просрочки* одному от другава <...> того туды захватят и тако он *просрочится*» (1723) [8].

– *учинить выдачу* / *выдать*: «покорно Ваше Высокородие прошу на будущей февраль месяц <...> повелеть мне *учинить выдачу*» (1776) [9. Ф. 88. Оп. 1. Л. 169. Л. 58 об.]; «покорно прошу чтоб соизволено было <...> правянтъ муки и крупъ <...> определить *выдать* в приемъ мой» (1776) [Там же. Л. 121 об.].

– *учинить взыскание* / *взыскать*: «представляетъ чтоб по приложенной при том ведомости правянтских доимщиковъ <...> удинского комплекта казаков Федора Токарева с товарищи *взыскание чинить* удинской каменданской канцелярии» (1776) [Там же. Л. 134]; «тем доимщикам... велеть показанное по той ведомости число денег правянта за которой по торговым ценам деньгами ж без всякого замедления из собственных их пожитков а по неимению оных изъ заслуженного жалованья *взыскать*» (1776) [Там же. Л. 134 об.].

В текстах послепетровского времени и до конца XVIII века увеличивается не только число абстрактных существительных, но также и число полужнаменательных глаголов, служащих строительной базой для подобных конструкций.

Так, например, глагол *делать* в исследованных текстах начала XVIII века сочетается со словами, обозначающими предметы бытового обихода, и имеет значение «изготавливать», «делать деревянные изделия», например, из описи: «три окончины для клажи писемъ *зделаны*, три

полицы, два стола, три скамьи, три лавки» (1743) [10. С. 147]; «позади оно-го амбара *сделана* прядильна из трех бревен» [Там же. С.148].

На протяжении XVIII века намечается тенденция к использованию этого глагола в роли полузнаменательного: «потребно *сделать* *выправку* от Иркутскаго совестнаго суда на каком основании решилось производимое во оном дело» (1793) [Там же. С. 61]; «они одолажаются друг другу каждой посилное *делать* *пособие* не истолковавъ силы означенного высочайшаго повеления <...> разве доброволно общество разъсудить смотря по состояннiю *зделать* какое *пособие*» (1797) [Там же. С. 52].

В пользу того, что глагол *делать* к концу XVIII века стал выполнять те же функции полузнаменательного глагола, что и слово *чинить*, говорят случаи их использования в конструкциях, почти идентичных по лексическому составу. Например, в языке документов нами фиксируется глагол *чинить* в сочетании с существительными *обида* и *теснота*: «ясашным иноземцам тесноты и обид не чинить» (1689) [9. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.]. Схожую в лексическом отношении конструкцию находим и в тексте середины XVIII века, только с однокоренным словом *притеснение*: «а более де онъ Стручков никому обид и *притеснениевъ* не чинил» [10. С. 41]. Однако в протоколе от 5 января 1796 года мы обнаруживаем конструкцию со словом *притеснение*, в которой в качестве полузнаменательного использован глагол *делать*: «Яков Белозеровъ которой теxъ селениевъ крестьянам *делаетъ* разныя к разорению *притеснении*» [Там же. С. 125].

Такие «вольности», допускавшиеся канцеляристами в конце XVIII столетия, указывают на существование в языковом сознании писца представления об условной взаимозаменяемости глаголов *чинить* и *делать*, а также свидетельствуют о своеобразном расширении функциональных возможностей последнего в деловом языке XVIII века. Глагол *делать* используется не только в значении *изготавливать*, но и в роли полузнаменательного глагола, не свойственной ему в начале века. В этом можно убедиться и на примере следующего фрагмента, взятого из приказа 1796 года: «а чтобъ <...> явьясь у дистаночнаго командира учиня договоръ отъдали при томъ командире <...> в руки состоящимъ при карауле братскимъ дабы они не ймевъ сомнѣнiя в томъ что *делаетца* *договоръ* дешевою ценою...» [Там же. С. 30].

Несомненно, актуальным остается вопрос о причинах выявленной тенденции. Широкое использование глагольно-именных конструкций было обусловлено, прежде всего, становлением системы стилиобразующих средств. Окончательное разрушение границ между книжным и некнижным письменными узусами повлекло за собой славянизацию языковых средств делового языка, книжные элементы «в качестве нормированных получают распространение во всех жанрах деловой письменности» [4. С. 12]. При таком подходе к проблеме становится оправданным рост числа глагольно-именных конструкций и увеличение количества слов, входящих в лексический состав сочетаний подобной структуры, ведь они

относились к числу книжных элементов, соответственно, в XVIII веке в делопроизводственной практике формировался корпус особых стилистически маркированных средств делового языка. Вероятно, такие конструкции еще в XVIII веке стали использоваться как ключевые единицы делового стиля. К возможным причинам выявленной тенденции можно отнести также факт активного заимствования слов и синтаксических калек из европейских языков.

Литература

1. *Винокур Г. О.* Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 111.
2. *Мандельштам О. И.* Деятнадцатый век // Запад на Востоке: Хрестоматия. М., 1992. С. 128.
3. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 123.
4. *Майоров А. П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 – Сибирский приказ.
6. Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1987. Вып. 13. С. 58.
7. «Сказки» торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. В 2 т. М., 1984. Т. 1.
8. *Меженина Т. Н.* Деловая письменность Троицкого Селенгинского монастыря первой половины XVIII века. СПб., 2015. С. 13.
9. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 88 – Управление Верхнеудинской комендатуры; ф. 262 – Троицкий Селенгинский монастырь.
10. Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А.П. Майорова; сост. А.П. Майоров, С.В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН